

АВГУСТ ЛЮДВИГ ШЛЁЦЕР И ВАСИЛИЙ НИКИТИЧ ТАТИЩЕВ

А. Л. Шлёцер был одним из самых первых читателей «Истории Российской» В. Н. Татищева в ее окончательном виде. Он был и первым, кто в печати оценил ее значение для нашей историографии, а также кто первый воздал должное ее автору.

А. Л. Шлёцер приехал в Россию в конце 1761 г., будучи уже сложившимся молодым ученым. Занимаясь сперва в Виттенберге теологией (отец его был пастором), он перешел затем в один из самых лучших тогда немецких университетов — Геттингенский. Здесь Шлёцер под влиянием выдающегося филолога, профессора Михаэлиса, занялся восточной филологией, что стало для него, как он позднее это называл, его первым «апокалипсисом». Получив в 1761 г. по рекомендации Михаэлиса предложение Г. Ф. Миллера переехать в Петербург, Шлёцер воспринял его как «призыв providения». Ему думалось, что поездка в Петербург поведет за собой возможность, при помощи, полученной здесь, поддержки дальнейшего путешествия на Восток. А там, пребывая «под арабскими шатрами», он послужит благу церкви и науки.¹

Еще до приезда в Петербург Шлёцер, по словам его автобиографии, имел «высокое понятие» о русских летописях, от которых на Западе ожидали «чрезвычайного расширения всей истории Севера».² После первых, быстро промелькнувших шагов в овладении русским языком Шлёцер стал стремиться к ознакомлению с летописями, тогда всецело еще рукописными. Миллер, желая видеть в Шлёцере лишь помощника для своих собственных работ, не был склонен ему в том содействовать. Но год спустя произошло знакомство Шлёцера с И. И. Таубертом, тогда влиятельнейшим советником академической канцелярии. Для шлёцеровского буду-

¹ Письмо Шлёцера Михаэлису 27 мая 1763 г. см. в кн.: Frensdorff F. Von und über Schlözer. Berlin, 1909, S. 8.

² Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлёцера, им самим описанная. Перевод с немецкого с приложениями и примечаниями В. Кеневича. — Сб. ОРЯС АН, т. XII. СПб., 1875, с. 45.

щего важнейшим следствием его знакомства с Таубертом было именно то, что оно тотчас повело к ознакомлению Шлёцера с принадлежавшей ранее тестю Тауберта И. Д. Шумахеру исключительно ценной рукописью «Истории Российской» В. Н. Татищева, полученной последним несомненно от самого Татищева. Рукопись эта содержала первые три части «Истории Российской», кончаясь 1462 г. Знакомство с этой и другими рукописями повело Шлёцера, по его признанию, к занятиям русской историей «истинно сапого» и стало для него «вторым апокалипсисом».³

Шлёцер с целью «вникнуть подробно», а также «особливо отметить» темные для него места, поручил академическому копиисту Корелину переписку таубертовской рукописи «за свой счет», и к 1764 г. для него были переписаны части «Истории Российской» от того места, где кончался тогда текст печатавшейся «Несторовой летописи» (т. е. Кенигсбергского списка) до княжения Всеволода III.⁴ В 1764 г., в критическое время его отношений с Академией наук, Шлёцером было составлено два плана своих научных занятий: один 4 июня — по требованию Конференции Академии наук и другой — адресованный Г. Н. Теплову для представления Екатерине II.

Первый план хорошо известен в литературе по гневу, который он вызвал у Ломоносова: в нем Шлёцер предлагал составить на немецком языке общий очерк (Suite) русской истории от основания государства до пресечения Рюриковой династии, на основе русских хроник «с помощью» трудов Татищева и Ломоносова.⁵

В плане, составленном в конце декабря для рассмотрения императрицей, Шлёцер повторил по существу то же, предлагая, между прочим, «начать сокращение исторических сочинений покойного Татищева». Здесь он только добавил, почему им предложен именно труд Татищева, а также и то, в каком состоянии находятся его подготовительные материалы к такой работе. Именно Татищев для него — «отец русской истории», и он заслуживает того, чтобы ему было воздано справедливо должное. Для составления же предлагаемого сочинения Шлёцер считал, что у него уже собраны «все материалы» и он сможет его закончить «в короткое время».⁶ Изложенные в обоих проектах 1764 г. планы Шлёцера остались без всякого последствия.

³ Общественная и частная жизнь..., с. 104, 106.

⁴ Русский перевод «Общественной и частной жизни...» (с. 189, 218) кое-где неточен, в частности к имени Всеволода здесь добавлено ошибочно «Дмитриевич» вместо «Юрьевич»; ср.: August Ludwig Schlözer's öffentliches und privat-Leben von ihm selbst beschrieben. Göttingen, 1802, S. 240—241.

⁵ Общественная и частная жизнь..., с. 289; дата и текст перевода исправлены по изданию плана в кн.: August Ludwig V. Schlözer und Russland. Eingeleitet und... herausgegeben von E. Winter. Berlin, 1961, S. 51; см. об отношении к этому плану Ломоносова: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 10. М.—Л., 1957, с. 309.

⁶ Общественная и частная жизнь..., с. 321—322.

В 1767 г. Шлёцер выдвинул еще один план, уже явно к тому времени настоятельно назревший, план издания всего исторического труда Татищева (напомним, что именно тогда же приступил к изданию «Истории Российской» Г. Ф. Миллер). С таким предложением Шлёцер обратился к Тауберту, составив обстоятельную записку, содержащую не только существенное научно-политическое обоснование такого издания, но и точное описание всех редакционных и чисто издательских его особенностей, вплоть до формата и шрифта. Шлёцер в своей записке напоминает, что иностранцам уже известно о существовании исторического труда Татищева по книге английского купца Ганвея (к нему Татищев обратился с письмом, связанным с желанием издать свою «Историю»);⁷ Татищева там все считают до сих пор «утесняемым» (*unterdrückt*); появление же в печати трудов Ломоносова, Рычкова и Татищева будет не только честью для Академии, но и должно произвести желательную для всего теперешнего русского правительства «счастливую революцию» в тех ужасных идеях, которые повсеместно распространены за границей, будто в России запрещено издание подобных вещей. Шлёцер хочет подействовать и на самолюбие Тауберта, привлекая его перспективой славы, которую-де приобретет зачинщик «славной революции». Своим предложением издать прежде всего татищевский труд Шлёцер как бы подчеркивает, что он действует с исключительной «бескорыстностью». Шлёцер настаивает на том, что именно «Татищев — русский, он отец русской истории, и мир должен знать, что русский, а не какой-либо немец проломил лед в русской истории». Этим, считает Шлёцер, он приносит свою «честь» в «жертву» своему «русскому патриотизму».

Предложение Шлёцера Тауберту осталось без последствий. В доверительном письме Г. Ф. Миллеру Тауберт писал, что «узнал Шлёцера ближе и поэтому избегает каких-либо личных отношений с ним».⁸

Издателем трудов Татищева Шлёцеру, таким образом, не пришлось быть. Но первым почитателем их, каким он стал в начале своего знакомства с ними, он остался и на склоне лет. Взгляды Шлёцера на значение «Истории Российской» не в малой

⁷ Книга Ганвея (Hanwey) вышла в 1754 г. Перевод письма Татищева напечатан в книге: Пекарский П. П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864, с. 5—6.

⁸ Письмо Тауберта Г. Ф. Миллеру от 18 сентября 1767 г. с приложением наброска Шлёцера издано дважды проф. Э. Винтером: в подлиннике (но с пробелом) в издании «August Ludvig v. Schlözer und Russland» (S. 190—191) и в русском переводе в «Историческом архиве» (1960, № 6, с. 187—188, полностью, но не вполне исправно). В автобиографии Шлёцер пишет о сделанной им в 1765 г. «настоятельной» просьбе Тауберту, разрешившему издать Татищева «в его (Тауберта) пользу». По-видимому, здесь ошибка памяти Шлёцера («Общественная и частная жизнь...», с. 55).

степени были обусловлены общим его отношением к России и к ее истории.

Впервые публично заявить о своих взглядах на прошлое России Шлёцер имел возможность в докладе («*Memoriae Slavicae*»), читанном им в Геттингене 14 июня 1766 г. в Королевском ученом обществе по случаю избрания его членом Общества. Основную задачу своего доклада Шлёцер видел в опровержении мнений тех, кто считал, что славяне происходят из мест у Кавказских гор, между Черным и Каспийским морями. Этому мнению Шлёцер противопоставил как «бесспорное» свое утверждение, что славяне принадлежат к «знаменитейшим нациям»: они теперь расселены на многих землях, а в прежние времена они владели еще несравненно большими; наряду с готами, или немцами, арабами и татарами они «совершенно изменили лицо Европы». Шлёцер далее доказывал совсем подобно Татищеву, заимствуя, возможно, из еще не изданного, по знакомому ему татищевского труда, что хотя славяне стали известны под своим теперешним именем только в VI в., когда они «с величайшей стремительностью и силой» напали на Византию, однако невозможно считать, что «такая могущественная нация» только тогда возникла. Шлёцер находит, что славяне, в течение «многих» столетий обитая в отдаленных местах, были известны уже и римлянам под другим названием и в других местностях. Определить же, где они были и как назывались, для Шлёцера представлялось делом «чрезвычайно спорным». Однако «господин профессор», как отмечено в отчете о заседании, «полагает, что в давнишние времена они были известны под именем венеков у Птоломея, Плиния и Тацита»; следы древнейшего языка венеков, считал Шлёцер, можно встретить в языке пруссов, курляндцев и литовцев.⁹

Аналогичные суждения Шлёцера о давнем прошлом России мы найдем в написанном в следующем же году и вышедшем в 1768 г. первом его трудов по летописанию, в «Опыте русских летописей». И здесь он восклицает: «Древняя история России — какое необъятное понятие! Я почти теряюсь в его величии». История России для него — это история страны, охватывающей «одну девятую часть заселенной территории всего мира, территория России вдвое больше Европы и вдвое больше территории древнего Рима, который называл себя властелином мира»; «уже в течение 900 лет Россия непрерывно играет большую роль на арене народов»; «разверните анналы всех времен и народов, — пишет Шлёцер, — и назовите мне историю, которая была бы обширнее или даже равна русской; это история не одной страны, а части света, не одного народа, а массы народов». Шлёцер переносит свои рассуждения о России и в область культуры. Для Шлёцера «странным в царстве наук» является, что Нестор, «столь старый, столь важный и столь давно известный летописец, единственный

⁹ Göttingenische Anzeigen von gelehrten Sachen, Bd. 1, 1766, S. 649—651.

в своем роде историк своей нации, в течение более 650 лет пролежал почти в пыли», оставаясь надлежаще неизвестен иностранцам. Шлёцер опровергает суждения английского историка, будто русские не обнародовали своих летописей, стремясь скрыть свое варварское прошлое. Он утверждает, что нет ни одной нации в Европе, предки которой не были бы варварами, и «убедительно» открывает «неожиданную новость» для таких историков, что в XI—XII вв., когда вся Европа знала только римскую монашескую ученость, в России процветали греческие науки и искусства; в России были публичные школы, учрежденные в 988 г. Владимиром Великим, были писанные законы, данные Ярославом в 1016 г., были туземные летописцы — Нестор родился в 1016 г. Одним словом, Россия «никогда со времени принятия христианства даже в мрачайшие времена средневековья не оставалась вполне без наук». ¹⁰ Неудивительно, что при таком одушевленном отношении к прошлому России Шлёцер говорил о своем «русском патриотизме» или о «моей русской гордости». ¹¹

Шлёцеровский взгляд на прошлое России явился основой для установления его отношения к труду признанного им, как мы видели, «отца русской истории». Но для понимания шлёцеровских оценок «Истории Российской» необходимо вникнуть также в различие ученого уклада обоих выдающихся историков. Шлёцер прошел лучшую в те времена в Европе геттингенскую филологическую школу. Она не только обусловила его дальнейшую научную деятельность, но и глубочайше соответствовала его природным склонностям. В 1803 г., подводя некоторый итог своей 32-летней (по его расчету) научной деятельности, Шлёцер писал, что «все» его работы «суть скорее только критико-исторические». ¹² В своем большом историографическом труде Ф. Вегеле вполне подтверждает эту самохарактеристику Шлёцера: он не считает Шлёцера выдающимся «историком-писателем» (*Geschichtsschreiber*), но видит в нем «действительно выдающегося историка-исследователя» (*Geschichtsforscher*). ¹³ Нечего говорить, что живой и кипучий

¹⁰ Schlözer A. L. Probe russischen Annalen. Bremen und Göttingen, 1768, S. 13, 44—45, 164—165.

¹¹ Общественная и частная жизнь..., с. 164. — В том же 1802 г., когда появилась эта книга (и, добавим, «Нестор»), лекции Шлёцера слушал в Геттингенском университете молодой Александр Иванович Тургенев. Вот что он писал своим родителям 31/19 октября 1802 г.: «Профессор Шлёцер мне отменно полюбился за свой образ преподавания и за то, что он любит Россию и говорит о ней с такою похвалой и с таким жаром, как бы самой ревностной сын моего отечества». Далее Тургенев передает слова лекции, где говорится «о влиянии, какое делает Россия на всю Европу» (Архив братьев Тургеневых, вып. 2. СПб., 1911, с. 29).

¹² См.: Модзалевский Б. Л. К биографии А. Л. Шлёцера, с. 22 (по отisku из «Изв. ОРЯС», 1903, т. VIII, кн. I).

¹³ Wegele F. v. Geschichte der deutschen Historiographie. München und Leipzig, 1885; ср.: Fueter E. Geschichte der neueren Historiographie. 2. Aufl. München und Berlin, 1925, S. 374.

темперамент Татищева с его богатым жизненным опытом, разно-сторонними интересами и знаниями, но без всякой школьной под-готовки был противоположною шлёцеровскому облику уче-ности.

Когда Шлёцер писал о Татищеве, он знал о нем только то, что мог извлечь из мимолетных автобиографических отступлений, которые встречаются у Татищева в его «Истории Российской». Ведь даже и русские авторы, писавшие в те времена, не могли сообщить о Татищеве чего-либо сверх этого. Доказательство — единственное библиографическое пособие, новиковский «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772), ограничивался только данными, заимствованными из татищевского труда. Шлёцер мог, например, только «предполагать», что Татищев умер в 1750 г., так как он «нигде не нашел» точных дат ни рождения, ни смерти этого «замечательного человека». Также и все другие касающиеся Татищева сведения были извлечены Шлёцером из самопризнаний Татищева в его «Истории»: и то, что Татищев «поздно» приступил к занятиям историей (действительно, Татищеву было тогда около 33 лет), и что это произошло для него «случайно», что он знал из иностранных языков только немецкий язык, что вся основная деятельность Татищева протекала на военной и административной службе — все это Шлёцеру было известно из «Истории Российской». Отсутствием других данных объясняется и недоуменный вопрос Шлёцера — кем был у Брюса Татищев — «писарем или секретарем?». ¹⁴

Вывод из таких биографических данных мог быть сделан Шлёцером с точки зрения геттингенской филологической выучки только один — Татищев «не был воспитан для истории», он был в этом отношении «совершенно неучен». ¹⁵ Но такой вывод отнюдь не повел Шлёцера ни к умалению его уважения к личности самого Татищева, ни к какому-либо пренебрежению к татищевскому труду. Наоборот, как личность Татищева, так и труд его тем более вырастали в глазах Шлёцера.

Именно в общих суждениях Шлёцера Татищев является «истинным историческим гением», который «был рожден для истории своей страны», он был «отцом русской истории», «первым удовлетворительным» ее историком. «История Российская» Татищева, по Шлёцеру, — это «знаменитое», «многотрудное», созданное «невероятным трудолюбием» сочинение, «славный памятник удивительного прилежания ее автора». ¹⁶

¹⁴ Общественная и частная жизнь..., с. 51, 52; Schlözer A. L. Probe russischen Annalen. S. 149, № 6. — Шлёцер здесь прямо указывает, что заимствует свои данные о Татищеве из «еще не напечатанного Введения в Русскую историю».

¹⁵ Общественная и частная жизнь..., с. 51; Нестор. Русские летописи, ч. I. СПб., 1809, с. РМГ.

¹⁶ Общественная и частная жизнь..., с. 51, 322; Schlözer A. L. Probe russischen Annalen, S. 150; Нестор. Русские летописи, ч. I, стр. РМГ; ср.: Нестор. Russische Annalen. Theil I. Göttingen, 1802, S. 92—93.

«История Российская» по составу использованных Татищевым источников распадается на две резко различные части. Первая, вводная ее, дорюрикова часть является вместе с тем и долетописной: она вся построена Татищевым на использовании данных древних, средневековых и новых западноевропейских источников и литературы. Остальные же части, по одному из определений самого Татищева, оказываются «собранием из древних русских летописцев». Естественно, что все внимание Шлёцера было привлечено именно летописными частями «Истории Российской».

Шлёцер, излагая свои мнения о летописной части «Истории», останавливается на том, как Татищев предполагал вначале, что полученная им от Брюса рукопись летописи является единственной рукописью древней летописи, и как после обнаружения Раскольничей летописи и в ней разноречий с имевшимся уже у него текстом он предпринял розыски и еще других рукописей, в чем «счастье» ему сопутствовало. Шлёцер одобряет, судя по его изложению, что Татищев из десяти таким образом оказавшихся в его распоряжении летописных «кодексов» создал «новый кодекс», включив в его состав «почти все», что находилось в имевшихся у него кодексах. Особенно было оцепено Шлёцером то, что Татищев «в суждениях и примечаниях своих приводит также часто разнословия из таких списков, которые только у него были в руках». Оценивая эту сторону работы Татищева, Шлёцер считал, что Татищевым сделаны «верные извлечения из летописей до 1462 г.» (в относящемся к тому же 1802 г. «Несторе» Шлёцер писал о «точном, хотя не вполне верном извлечении из временников»). Вся эта работа еще не требовала геттингенской «ученой подготовки».¹⁷

Шлёцер, помня о прирожденном «гении» Татищева, обнаруживает, что «в нем уже веял критический дух». Татищев «с истинной добросовестностью» сохранял в своем тексте «темные для него места», объясняя их в примечаниях «как мог»; Татищев равным образом не внес в свой временник «новых подделок», связанных с основанием Новгорода; он «не скрывает», что отрывок Иоакимовской летописи попал к нему «подозрительнейшим образом». Шлёцер более доверяет «россиянину» Татищеву в вопросах исторической географии, чем тем, кто «с ученостью рассуждает о Геродоте, Страбоне или Плинии, веря им, как Евангелию».¹⁸ Однако отсутствие в «Истории Российской» ссылок на источники, откуда заимствовано в ней то или иное место, вызвало решительное осуждение Шлёцера как «добросовестного, критического, по выражению некоторых людей педантического (это подчеркнуто им), исторического исследователя, который не при-

¹⁷ Schlözer A. L. Probe russischen Annalen, S. 150; Нестор. Русские летописи, ч. I, с. VII; Общественная и частная жизнь..., с. 54—55.

¹⁸ Общественная и частная жизнь..., с. 52; Нестор. Русские летописи, ч. I, с. И; ч. II, с. 19, 154, 160.

нимает на веру ни одной строки и требует для каждого слова свидетеля и доказательств». Далее следовало поучение, уже собственно связанное с критикой текста: Татищев, собрав чтения из разных рукописей, не указывая, из какой он каждое берет, избирал одно из них, умалчивая о других, которые казались ему, возможно, менее понятными, но именно поэтому и более правильными, чем избранное им.¹⁹

Совсем иначе взглянул Шлёцер на содержание и значение первой части «Истории Российской». Выше упоминалось о характере ее источников. Значительное количество памятников, послуживших Татищеву для написания первой части, было напечатано на языках, которые были незнакомы Татищеву. Шлёцер слегка пронизывает, что Татищев «вдруг заблудился», решив потратить большие деньги и поручить необходимые ему переводы лицам, «немного знавшим латынь». Таким образом в первой части получилась «бестолковая смесь сарматов, скифов, амазонок, вандалов и т. д.». Первую часть «Истории» Шлёцер считал поэтому «ни к чему не пригодной».²⁰

Татищев писал свою «Историю», не имея перед собой ни одной изданной летописи, ни одного издания актового материала. Не имел он перед собой, помимо разве трудов Байера, и ни одного научно-исторического исследования. Везде он был первооткрывателем неизведанного прошлого своего отечества. Вторая половина XVIII в. была ознаменована многими изданиями летописей и актов и оживленной научно-исторической деятельностью. Шлёцер изложил в своем историографическом очерке, предпосланном собственно исследованию «Нестора», всю появившуюся после Татищева совокупность источников и исследований. Таким образом, Шлёцер смог сопоставить татищевский труд с состоянием русской историографии к началу XIX в. Его вывод гласит, что хотя Татищев и не прошел никаких учебных занятий («gar keine Studien hatte»), не знал ни слова по-латыни и даже не понимал ни одного языка из повых, кроме немецкого, однако его труд (кроме первой части о скифах, сарматах и т. д.) всегда остается полезной работой («immer eine brauchbare Arbeit»). В одновременно изданной автобиографии Шлёцер говорит об «Истории» Татищева как о труде, «высокой цены которого нельзя было не признать».²¹

Шлёцер в своей деятельности был не только историком геттингенской школы. Отношение Шлёцера к Татищеву определялось и его общественной и политической деятельностью. По наблюдениям автора особой монографии о Шлёцере как «немецком просветителе XVIII века», Шлёцер был в свое время известен как филолог, историк России и государственности лишь не-

¹⁹ Schlözer A. L. Probe russischen Annalen, S. 150.

²⁰ Ibid., S. 150—151; *Общественная и частная жизнь...*, с. 53.

²¹ *Общественная и частная жизнь...*, с. 55; *Нестор. Russische Annalen*, S. 92—93.

которым выдающимся ученым Зато как представитель умеренного немецкого просвещения, поклонник Монтескье и Вольтера, он приобрел славу «среди всех образованных немцев» своими публицистическими выступлениями По словам той же исследовательницы, шлецеровские издания²² являлись «трибуналом», разоблачавшим произвол и злоупотребления мелких тиранов раздробленной тогда Германии, но и такие правители, как императрица Мария-Терезия, избегали того, чтобы оказаться на страницах его изданий Шлецеровские «Staatsanzeigen» были запрещены правительством в 1793 г по обвинению в проповеди революционности и атеизма²³

И для тогдашней России Шлецер нашел соответствующие слова похвалы и порицания Сопоставляя свои петербургские впечатления с родными для себя северогерманскими, Шлецер противопоставлял в автобиографии 1802 г «неповоротливость или ленность, которою так явно отличаются жители северной Германии», «деятельным, подвижным и ловким существам», которые в России «являлись во всех классах нации!» И далее: «Что могло бы быть (думал я тогда), что стало бы из людей этого рода, если бы ему были даны человеческая свобода и разумное религиозное образование!» Свои же рассуждения о крепостном праве, с которым ему пришлось на деле столкнуться в доме Разумовского, он сопровождает словами: «Да будет проклято крепостное право», называя его «бесчеловечным изобретением» и «адской выдумкой, введенной в законную силу христианским попом, епископом констанцским, к стыду его религии, гуманизма и человечества»²⁴

Понятно, что Шлецер не мог обойти без осуждения виновников горестных судеб и Татищева и его «осиротелого» труда, оказавшегося, когда Татищев был уже мертв, тоже «полумертвым» Шлецера возмущало, что Татищева подозревали в «ереси» за то, что он, как подобает «свободномыслящему» или «просто разумному» человеку, «не может переварить нелепых чудес», которыми заполнены летописи, но вынужден подчиняться и делать «многие исключения» Шлецер не обошел и того, что Феофан Прокопович враждебно встретил его рассуждения о «Песни песней» царя Соломона как о сборнике светских любовных песен Шлецер знал, что Та-

²² «Briefwechsel meist politischen und statistischen Inhalts», 1776—1781, «Staatsanzeigen», 1782—1793

²³ См Furst Fr August Ludvig von Schlozer, ein deutscher Aufklärer im 18 Jahrhundert Heidelberg, 1928, S 75, 82, 88, Иконников В С А Л Шлецер Киев, 1911, с 36—37

²⁴ Общественная и частная жизнь , с 68, 117 — А И Тургенев писал родителям 27 апреля (9 мая) 1803 г о том, как Шлецер печатал в своем журнале жалобы от угнетенных подданных, как князья жаловались на него королю, как «даже» во время революции проповедовал он публично с кафедры то, чего другие и на ухо друг другу говорить здесь не смели, о том, что теперь «Шлецер не может ничего печатать без дозволения цензуры» (Архив братьев Тургеневых, вып. 2, с. 73).

тищев «позволил себе много смелых рассуждений» и что ему грозило «тягостное» обвинение в «политическом вольнодумстве». Именно поэтому, по мнению Шлёцера, издание татищевского труда не состоялось в 1740 г., когда он привез свой труд в Петербург. Но Шлёцер знал и другую причину задержки печатания «Истории Российской» — это «глупость, человеческая трусость и личный интерес». Шлёцер собирался в будущем еще коснуться и того, как «неудачно» произошло появление «на божий свет» труда.

Все вышесказанное повело Шлёцера к, можно сказать, итоговому восклицанию: «Какая потеря для народа! Какая масса исторических знаний нашла бы всеобщее распространение уже в 1740—1760 гг.».²⁵

²⁵ Общественная и частная жизнь..., с. 53—55; Нестор. Русские летописи, ч. I, с. РМГ. — В печати «История» стала появляться с 1768 г.